

© 2024. О. Н. Смылова

Московский педагогический государственный университет  
г. Москва, Россия

### **Иван Грозный и его деятельность в оценке Ф. М. Достоевского**

**Аннотация:** Статья посвящена вопросам понимания Достоевским-публицистом роли государственной деятельности Ивана IV в русской истории и отражения представлений писателя о личности Грозного в художественных произведениях и литературной критике. В статье отмечается важность детального исследования имеющихся в творчестве писателя отсылок к событиям и деятелям прошедших периодов, внимание к которым до последнего времени находилось на периферии научных интересов, а если и освещалось, то попутно, при рассмотрении историософских взглядов писателя и преимущественно на материале публицистики. В статье указывается на интерес писателя к фигуре Ивана Грозного как монарха и человека и подчеркивается, что отношение писателя к этому правителю было сформировано под влиянием чтения «Истории государства Российского» Н. М. Карамзина. Если в художественном творчестве Грозный привлекает Достоевского прежде всего как расколота и трагически сложная личность, то в «Дневнике писателя» на первое место выдвигается талант государственного деятеля, чей опыт может быть полезен в решении насущного для эпохи Восточного вопроса. Попутно делаются наблюдения над пониманием Достоевским «исторической» правды и спецификой интерпретации писателем исторических сюжетов.

**Ключевые слова:** Ф. М. Достоевский, русская история, публицистика, литературная критика, «историческая» правда, «Дневник писателя», Иван Грозный, Н. М. Карамзин, «История государства Российского», Восточный вопрос, М. Ю. Лермонтов.

**Информация об авторе:** Ольга Николаевна Смылова, кандидат филологических наук, Московского педагогического государственного университета, ул. Малая Пироговская, д. 1, 119991 г. Москва, Россия, ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-5523>

E-mail: [osmisl@rambler.ru](mailto:osmisl@rambler.ru)

**Дата поступления статьи в редакцию:** 27.07.2024

**Дата одобрения статьи рецензентами:** 30.09.2024

**Дата публикации статьи:** 25.12.2024

**Для цитирования:** Смылова О. Н. Иван Грозный и его деятельность в оценке Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 4. С. 158–175. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-158-175>



This is an open access article  
distributed under the Creative  
Commons Attribution 4.0  
International (CC BY 4.0)

**Dva veka russkoi klassiki,**  
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 158–175. ISSN 2686-7494  
**Two centuries of the Russian classics,**  
vol. 6, no. 4, 2024, pp. 158–175. ISSN 2686-7494

Research Article

© 2024. Olga N. Smyslova

Moscow Pedagogical State University  
Moscow, Russia

## Ivan the Terrible and His Activities in the Assessment of F. M. Dostoevsky

**Abstract:** The article is devoted to the issues of F. M. Dostoevsky's understanding of the role of Ivan the Terrible's state activity in Russian history and the reflection of the writer's ideas about the personality of Ivan the Terrible in works of art and literary criticism. The article notes the importance of a detailed study of the references in the writer's work to the events and figures of the past periods, the attention to which until recently was on the periphery of scientific interests, and if it was covered, then along the way, when considering the historiographical views of the writer and mainly on the material of journalism. The article points to the writer's interest in the figure of Ivan the Terrible as a monarch and a person. It emphasizes that the writer's attitude toward this ruler was influenced by reading *The History of the Russian State* by N. M. Karamzin. If, in his artistic work, Dostoevsky is attracted primarily by Ivan the Terrible as a split and tragically complex personality, then, in *A Writer's Diary*, the talent of a statesman is put in the first place, whose experience can be helpful in solving the Eastern question vital for the era. At the same time, observations are made on Dostoevsky's understanding of the "historical" truth and the specifics of the writer's interpretation of historical plots.

**Keywords:** F. M. Dostoevsky, Russian history, journalism, literary criticism, "historical" truth, *A Writer's Diary*, Ivan the Terrible, N. M. Karamzin, *History of the Russian State*, Eastern question, M. Y. Lermontov.

**Information about the author:** Olga N. Smyslova, PhD in Philology, Assistant Professor, Moscow Pedagogical State University, Malaya Pirogovskaya St., 1, 119991 Moscow, Russia. ORCID ID: <https://orcid.org/0000-0003-1595-5523>

**E-mail:** [osmisl@rambler.ru](mailto:osmisl@rambler.ru)

**Received:** July 27, 2024

**Approved after reviewing:** September 30, 2024

**Published:** December 25, 2024

**For citation:** Smyslova, O. N. "Ivan the Terrible and His Activities in the Assessment of F. M. Dostoevsky." *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 4, 2024, pp. 158–175. (In Russ.) <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-4-158-175>

Интерес Ф. М. Достоевского к истории все чаще становится предметом пристального изучения. Если ранее были выявлены, описаны и разъяснены историсофские взгляды Достоевского, их прогностический характер, направленный на формирование объединяющей национальной идеи и созидания на ее принципах будущего России и «Обновленного человечества» (см.: [Баталова], [Волкова], [Гачева], [Исупов], [Касаткина], [Любятинская] и др.), то в последние годы исследовательский фокус направлен на изучение всего спектра обращений писателя к историческому прошлому человечества. Н. Н. Подосокорский утверждает: «К сожалению, до сих пор основательного научного исследования того, насколько глубоко и разносторонне история присутствует в произведениях Достоевского, так и не было проведено», тогда как «все творчество Ф. М. Достоевского пронизано самыми разными обращениями к истории — всемирной и российской» [Подосокорский 2024а: 101–102]. Таким примером насыщенности историей художественного и публицистического наследия писателя могут служить отсылки к личности и эпохе Ивана IV, встречающиеся значительно реже, чем к Наполеону [Подосокорский 2024с] или Петру Первому [Кругликова]. Однако пристальное внимание к эпизодическим и разбросанным в черновиках, произведениях, очерках и статьях писателя упоминаниям событий времен Грозного позволяет обогатить представление о трактовке Достоевским истории и специфике его исторического мышления. Впервые такая попытка была осуществлена В. А. Тунимановым, который указал на то, как Достоевский-публицист оценивает деятельность Грозного и характеризует ее через осмысление им труда Карамзина и работ современных историков: «Достоевский внимательно следил за развитием русской исторической науки, остро — и чаще всего полемично — воспринимал новые идеи и теории» [Туниманов: 177].

Начало творческого пути писателя ознаменовано работой над пьесами на исторические темы «Мария Стюарт» и «Борис Годунов».

В. А. Викторovich полагает, что основой для «становящегося исторического, духовного, эстетического сознания будущего писателя» был «карамзинский Борис Годунов» [Викторovich: 8]. Им отмечается, что большинство исследователей выдвигали гипотезу о восхождении сюжета утраченной пьесы к пушкинской трагедии, тогда как источников могло быть значительно больше — они и указываются в статье ученого [Викторovich: 8]. На такой подход исследователей к объяснению генезиса исторических сюжетов у Достоевского указывает и Н. Н. Подосокорский: «Абсолютное же большинство исследователей, затрагивающих те или иные исторические реалии в произведениях писателя, были либо заняты поиском несоответствий между словами рассказчика или персонажей и отдельными «историческими фактами», либо сводили эти реалии к исключительно литературным влияниям. Например, наполеоновский миф в творчестве Достоевского долгое время рассматривался в основном через призму наполеоновского мифа у Пушкина, Лермонтова, Гоголя и других писателей, хотя Достоевского наполеоновская эпоха интересовала и сама по себе, представленная в документах, устных и письменных воспоминаниях, научных исторических трудах и проч.» [Подосокорский 2024а: 101–102]. Вот в такого рода своеобразном научном очищении встречающихся в творчестве Достоевского исторических реалий и персон нуждается современная достоевистика. В. А. Туниманов, В. А. Викторovich и Н. Н. Подосокорский [Подосокорский 2024б] единодушно в том, что основным источником исторических фактов у Достоевского была «История» Карамзина, хотя труды других историков также ему были хорошо знакомы.

Карамзинская книга повлияла и на оценку Достоевским деятельности Ивана Грозного. В. А. Викторovich подчеркивает, что согласно Карамзину «линии жизни» Годунова и Грозного схожи: «Оба начинали как мужи благодетельные для государства и оба затем превратились в его губителей, своими деяниями разбудившими лихо Смутного времени» [Викторovich: 8]. Такое понимание было близко Достоевскому. Отношение Достоевского к Ивану Грозному формируется согласно концепции «двух Иванов», изначально теоретически сформулированной А. М. Курбским и существенно дополненной Карамзиным [Богданова: 77]. В публицистике писателя можно встретить лестные суждения о деятельности Ивана IV начального периода и осторожность в оценке второй половины царствования.

Грозный интересен Достоевскому и как психологический тип деспота с рефлексирующим сознанием, и как государственный деятель, повлиявший на ход русской истории подобно Петру I. Как расколота личность, мятущаяся между светом искреннего религиозного чувства и тьмой тирана, Иван Грозный упоминается в третьей записной книжке (февраль 1866 г.), когда писатель обдумывает образ Свидригайлова: «Страстные и бурные порывы; клокотание и вверх и вниз, тяжело носить самого себя (натура сильная, неуправляемая, до ощущения сладострастия порывы лжи (Иван Грозный)), много подлостей и темных дел» [Достоевский 7: 156]. И далее в записи через карамзинское понимание Ивана Грозного, усвоенное Достоевским, прочерчивается линия ненаписанной судьбы великого грешника, намечается путь не только Раскольникова, но и Ставрогина, пройденный им не до конца: «Бес мрачный, от которого не может отвязаться. Вдруг решимость изобличить себя, всю интригу; покаяние, смирение, уходит, делается великим подвижником, смирение, жажда претерпеть страдание» [Достоевский 7: 156]. В записях подчеркивается отсутствие в образе романтических «холодности и разочарованности», а верховенство сладострастия и «ненасытимой жажды наслаждений», неразрывно связанной с «жаждой жизни неутолимой» — будущей карамазовской стихией. В списке «наслаждений», которые составляют сущность создаваемого персонажа, легко угадываются черты Грозного. Это разного рода «наслаждения»: «артистические», в которых «чрезмерная грубость соприкасается с утонченностью (отрубленная голова)», и «психологические», «уголовные» и «мистические (страхом ночью)», «нищенские» и «наслаждение покаянием, монастырем (страшным постом и молитвой)» [Достоевский 7: 158].

Из этих заметок, сделанных со свойственной для творческой лаборатории писателя предельной концентрацией идей, рождается не только герой «Преступления и наказания», но в них угадываются черты многих поздних героев Достоевского, его безудержных сладострастников и юродствующих грешников. Иван Грозный, судя по записям, представляется писателю олицетворением крайностей, той бездны человеческих метаний, которые определяют амбивалентность людской природы, а мысли Достоевского об этом историческом лице служат своего рода импульсом к созданию психологически и нравственно сложного образа, потрясающего амплитудой внутренней раздвоенности и рас-

штанности. В начале XX в. Ю. Айхенвальд в своей предельно субъективной манере, создавая импрессионистический литературный портрет Достоевского, назовет его «Иваном Грозным русской литературы» [Айхенвальд: 342].

Появление имени Грозного во время работы над «Преступлением и наказанием» неслучайно. И в более ранних произведениях Достоевского можно обнаружить признаки особого интереса к Ивану Грозному. Это не только пародийный фрагмент из повести Ратазиева «Ермак и Зулейка», цитируемый Макаром Девушкиным в романе «Бедные люди» [Достоевский 1: 52], или рассказ мечтателя «Белых ночей» о своих грезах и возможной «героической роли при взятии Казани Иваном Васильевичем» [Достоевский 2: 116]<sup>1</sup>, не только родословная Ихменевых в романе «Униженные и оскорбленные», которые «еще при Иване Васильевиче Грозном дворянами были», о чем якобы «в истории Карамзина упомянуто» [Достоевский 3: 218]. М. Н. Виролайнен предполагает, что в характере и поведении Фомы Опискина можно разглядеть черты Ивана Грозного: «При создании “Села Степанчиково” Достоевского, по-видимому, чрезвычайно интересовала природа духовной власти подлого над благородным, который сам же своему тирану эту власть и вручает. И, исследуя механизм власти, Достоевский спроецировал на домашнего деспота ситуацию, связанную с величайшим тираном русской истории» [Виролайнен: 397]. Исследовательница обнаруживает сходство ухода Фомы из дома Ростаневых с удалением царя от власти и подробно разбирает близость моделей поведения Опискина и Ивана Грозного.

Если в художественных произведениях преимущественно можно говорить о косвенном влиянии фигуры Ивана Грозного на генезис мятущихся, заблудших и сбившихся с истинного пути персонажей, то в публицистике царь Иван Васильевич предстает как великий исторический деятель, чья благотворная роль в становлении российской государственности не ставится Достоевским под сомнение. Однако писатель на страницах «Дневника писателя» оставляет суждения

---

<sup>1</sup> В дальнейшем Грозный в публицистике будет именоваться Достоевским чаще всего именно Иваном Васильевичем, а взятие Казани для писателя станет эпохальным событием для становления русской государственности.

и о литературном образе Грозного, говоря о народности поэзии М. Ю. Лермонтова. В «Песне про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Достоевский видит «православного царя» жестоким, но справедливым и милостивым. В декабрьском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. в главе, посвященной Некрасову, Достоевский обращается к «Песне...» и утверждает, что Лермонтов в дальнейшем «перестал бы возиться с больной личностью русского интеллигентного человека, мучимого своим европеизмом» и «отыскал исход, как и Пушкин, в преклонении перед народной правдой» [Достоевский 26: 117]. В «Песне...» писатель угадывает народность поэта как в трактовке образа Калашникова, так и в обрисовке Грозного, а саму коллизию интерпретирует как художественное преломление истории Василия Шибанова («этот образ русского “раба”, должно быть, поразил душу Лермонтова» [Достоевский 26: 117–118]). Сам Достоевский опирается в пересказе истории Шибанова на Карамзина и балладу А. К. Толстого «Василий Шибанов» [Достоевский 26: 423–424], [Туниманов: 174]. Отметим, что в черновых набросках сохранилась запись «Калашников не раб» [Достоевский 26: 203], тогда как Шибанова писатель называет «рабом князя Курбского, русского эмигранта 16-го столетия, писавшего все к тому же царю Ивану свои оппозиционные и почти ругательные письма из-за границы, где он безопасно приютился» [Достоевский 26: 117]<sup>1</sup>.

Для Достоевского в сцене встречи на Красной площади Шибанова и Грозного важным оказывается поведение как мужественного «раба», так и царя. По мнению писателя, «царь Иван», обращаясь после в письме к Курбскому с призывом «устыдися раба твоего Шибанова», «сам устыдился раба Шибанова» [Достоевский 26: 117]<sup>2</sup>. В записных

---

<sup>1</sup> В современной исторической науке выдвигается версия, что эпизод с Василием Шибановым является всего лишь мифом, поскольку «документы свидетельствуют о том, что Василий Шибанов не мог быть гонцом, так как Курбский во время побега бросил в России не только свою жену и детей, но и многочисленных друзей, а Василий Шибанов был арестован сразу после побега Курбского» [Подопригора: 3].

<sup>2</sup> В подготовительных материалах упоминается еще имя Салоса Николы, который «устыдил» царя [Достоевский 26: 194]. Этот набросок подробно рассматривается в его связи с «Историей» Карамзина в упомянутой статье В. А. Туниманова [Туниманов: 175].

тетрадах к «Дневнику писателя» 1876–1877 гг. высказываются схожие мысли о том, что царь уважил Калашникова отношением к нему как равному, почему и казнил, поскольку приговор был справедлив. Правда, тут же писатель уточняет, что «этого нет у Лермонтова, но это так» [Достоевский 24: 298]. Достоевский пишет в набросках: «У Лермонтова сказка о Калашникове<sup>1</sup>. Белинский, под конец жизни совсем лишившийся русского чутья (талантливейший из западников), думал о словах Грозного: я топор велю наточить-наострить — видеть лишь издевку, лютую насмешку тигра над своей жертвой, тогда как в словах Грозного именно эти слова означают милость» [Достоевский 24: 298]. Сравнение царя с тигром представляется в этом фрагменте связанным с размышлениями Достоевского о тиранах в «Записках из Мертвого дома». Отметим, что В. А. Туниманов в статье о карамзинском влиянии на творчество Достоевского указывает на «отзвуки» «Истории государства Российского» в «Записках из Мертвого дома», а именно «девятого тома труда Карамзина, новгородский погром и убийство Иваном IV сына» [Туниманов: 172–173], но не связывает со сравнением из записных тетрадей, сделанным спустя десять с лишним лет. Достоевский пишет, что Белинский видит в царе тигра, а в «Записках из Мертвого дома» сказано: «Есть люди как тигры, жаждущие лизнуть крови. Кто испытал раз эту власть, это безграничное господство над телом, кровью и духом такого же, как сам, человека, так же созданного, брата по закону Христову; кто испытал власть и полную возможность унижить самым высочайшим унижением другое существо, носящее на себе образ божий, тот уже поневоле как-то делается не властен в своих ощущениях. Тиранство есть привычка; оно одарено развитием, оно развивается, наконец, в болезнь» [Достоевский 4: 154].

Представляется, что в Грозном Достоевский не видит чистый тип тирана, поскольку и в записных тетрадях, и в «Дневнике писателя» подчеркивает умение царя Ивана Васильевича проявить милость и уважение к достоинству другого человека, быть справедливым, но исключительно как государственный муж, а не как частный человек.

---

<sup>1</sup> Достоевский называет произведение Лермонтова «сказкой» и в январском выпуске «Дневника писателя» за 1876 г.: «Ни Пушкин, ни севастьяпольские рассказы, ни «Вчера на хуторе», ни сказка про Калашникова, ни Кольцов (Кольцов даже особенно) непонятны совсем народу» [Достоевский 22: 23].



Показательно, что в контексте рассуждений о Калашникове и Шибанове возникает образ пушкинского Савельича из «Капитанской дочки» — книги, где вопрос о милости и справедливости один из главных. Когда Достоевский работает над очерком «Пушкин. Лермонтов. Некрасов» он размышляет об образе Калашникова, который «не бунтует» [Достоевский 26: 203]. Не бунтуют и Шибанов, и пушкинский Савельич. Но Достоевский утверждает, что в них всех сохраняется чувство достоинства, которое бесценно, что понимает царь Иван Васильевич. Савельич — раб по положению, но он «не раб» по своему внутреннему благородству, «чего не поняли наши западники, хотя и любили народ» [Достоевский 26: 203].

Так его размышления о литературных образах выстраиваются в полемику о русском народе с западниками различных эпох (от Курбского до Белинского и современных писателю «русских европейцев»), в отличие от которых Иван Грозный понимает «народную правду». Писатель утверждает, что Курбский с его западным мировоззрением и западник Белинский, утративший понимание русского народа, не могут понять «царя Ивана», Калашникова и Шибанова, обладающих «русским чутьем». В столкновении Грозного с Василием Шибановым и купцом в поэме Лермонтова Достоевский видит противостояние людей, живущих по одним и тем же нравственным правилам, схоже понимающих, что есть справедливость, закон и милость. Традиционно для жанра «Дневника писателя» в очерке совмещается литературная критика с раздумьями о прошлом и будущем России, а также решением злободневных вопросов. Подобный принцип будет соблюдаться писателем и в знаменитой «Пушкинской речи», что определит ее вневременную актуальность.

В очерке «Пушкин. Лермонтов. Некрасов» обнаруживается особенность отношения Достоевского к отражению исторических реалий (а в правдивости истории Василия Шибанова писатель убежден и опирается на авторитетнейший для него источник) в художественных произведениях — это необходимость соблюдения «исторической» правды, которое он находит в лермонтовской «бессмертной песне» [Достоевский 26: 117]. Можно предположить, что сам Достоевский, обладая исключительной исторической интуицией, умением уловить сущность исторических процессов, отказывается от написания исторических сочинений как раз из «суеверного страха» эту правду нарушить. В статье

«По поводу одной выставки» («Дневник писателя» 1873 г.) писатель указывает на недопустимость смешения исторической и текущей действительности в искусстве, порождающего «ложь пуще всякой» [Достоевский 21: 76]. Достоевский как «реалист в высшем смысле слова» подмечает, что «если воображать прошедшее событие и особливо давно прошедшее, завершённое, историческое (а жить и не воображать о прошлом нельзя), то событие непременно представится в законченном его виде, то есть с прибавкою всего последующего его развития, еще и не происходившего в тот именно исторический момент, в котором художник старается вообразить лицо или событие. А потому сущность исторического события и не может быть представлена у художника точь-в-точь так, как оно, может быть, совершалось в действительности» [Достоевский 21: 76]. Поэтому, как считает писатель, излишняя реалистичность в описании исторического лица или события только вредит и оборачивается абсолютной «фальшью и предвзятой идеей», что видит он в картине Н. Н. Ге «Тайная вечеря», на которой все «происходит совсем несоразмерно и непропорционально будущему» [Достоевский 21: 77]. Другими словами, любой исторический факт и историческая личность, по мнению Достоевского, должны изображаться по иным законам, а не по законам, которые действуют для художественного отображения «текущей действительности». Представляется, что именно такой принцип лежит в основе трактовки эпохи Ивана Грозного, когда при упоминании какого-либо эпизода из его времени правления воссоздается не фактологически точная, а поэтому исторически ложная картина, а цельный образ, вбирающий в себя всю историю правления государя и понимание этой деятельности последующими поколениями. Об этом рассуждает Достоевский и тогда, когда решает вопрос о том, каким должен быть подлинный «русский историк» [Достоевский 20: 178]. В набросках к ненаписанной статье-полемике с Н. И. Костомаровым о роли Дмитрия Донского на Куликовом поле писатель упрекает оппонента в том, что в погоне за правдивостью и фактической точностью тот лишает фигуру Донского легендарности, сформировавшейся в результате обобщения результатов всей деятельности князя, положившего начало объединению Руси, и тем самым изменяет «исторической» правде. Разбирая историю на факты, ученый искажает ее и перестает быть истинно «русским историком», верящим в «силу русского духа» [Достоевский 20: 178].

Иван Грозный в оценке писателя является примером властителя, который, несмотря на трагические заблуждения и решения, остается верен интересам нации. В этом отношении очень важным оказывается вопрос о соотношении в деятельности Грозного светского и религиозного, поскольку, по Достоевскому, России суждено в будущем «стать примирительницей и собирательницей разобщенных, враждебных друг другу народов, предложить человечеству, стоящему на путях цивилизации, безверной, разорванной, полной противоречий и диссонансов, иной — благодатный, спасительный путь, путь покаяния, братски-любовного единения, созидания “Царства Христова”» [Гачева: 407]. Достоевский, как и Карамзин, «отстаивал сакральный характер истории и не выводил из нее Бога как действующего Субъекта» [Подосокорский 2024а: 35]. В этом отношении, как утверждают историки, действительно «самодержавие Ивана Грозного отнюдь не было абсолютным. В своей российской модели, фундамент которой и был заложен при Иване Грозном, оно ограничивалось божественной волей и столь же высоким божественным предназначением» [Подопригора: 7–8]. Именно такое свойство царствования Ивана Васильевича угадывает Достоевский. Значимой в годы правления Грозного была деятельность митрополита Макария, неразрывно связанная с покорением Грозным Казани и «Великими Четы-Минеями», которые хорошо знал и любил Достоевский, и митрополита Филиппа, чей духовный подвиг, по мнению писателя, незаслуженно забыт народом. «А знает ли он историю московских святителей, св<ятых> Петра и Филиппа? Конечно, нет — следственно, не имеет ни малейшего понятия о двух важнейших периодах русской истории»<sup>1</sup>, — с горечью признает Достоевский еще в «Петербургской летописи», где рассуждает о том, что русский народ плохо знаком с родной историей: «Но кого же знает народ из царей и князей земли русской до Романовых? Он знает трех *по имени*: Дмитрия Донского, Иоанна Грозного и Бориса Годунова (прах последнего лежит в С(вято)-Троицкой лавре)» [Достоевский 18: 25].

---

<sup>1</sup> Как полагают комментаторы полного собрания сочинений в 30-ти томах, Достоевский мог прочитать о митрополите Филиппе в статье историка Д. А. Валуева в «Библиотеке для воспитания» на 1845 г. [Достоевский 18: 227].

Достоевский-публицист отводит особое место правлению Ивана Васильевича в истории формирования национальной государственности, без постижения сущности которой невозможно создание будущей идеальной формы русского бытия, что было одной из главных задач для Достоевского в последние годы жизни. Этому посвящен январский выпуск «Дневника писателя» за 1881 г., как оказалось, последний. В нем Достоевский много рассуждает о причинах непонимания Европой России. Очередным импульсом к таким размышлениям стали результаты Берлинского конгресса 1878 г. (завершение русско-турецкой войны), окончательно ответившие на столь волновавший Достоевского Восточный вопрос. Разочарование в итогах и смирение перед этим фактом высказывается на страницах журнала, с номером которого читатели познакомятся уже после смерти писателя. Достоевский прямо говорит о том, как теперь должны формироваться отношения России с Европой, что является продолжением идей, изложенных в единственном августовском номере 1880 г., да и во многих других выпусках «Дневника писателя». Подчеркивая невозможность постижения Европой России и даже враждебность европейских держав, Достоевский поначалу предлагает сократить количество дипломатических миссий в Европе, как «оздоровительную» финансовую меру, а затем пытается обозначить причины негативного отношения Запада к России. Но более его беспокоит внутренняя политика, терзает все та же почвенническая боль: разъединение нации, непонимание «высшим поясом» («высшим интеллигентным сословием») «море-океана» русского народа [Достоевский 27: 15]. Достоевский утверждает, что простой народ, в отличие от образованной части общества, «за формами не погонится, особенно за готовыми, чужеземными, которых ему вовсе не надо, ибо вовсе не то у него на уме». Это касается прежде всего идеи царя, определяемой писателем так: «Тут идея, глубокая и оригинальнейшая, тут организм, живой и могучий, организм народа, слиянного с своим царем воедино» [Достоевский 27: 21]. Вера в царя сохранилась в русском народе и после реформ Петра. Не вдаваясь в пространные разъяснения об изменчивости и неоднозначности отношения Достоевского к петровским деяниям, следует оговорить, что в первую очередь писатель упрекает Петра в расколе общества на русских «европейцев» и «туземцев», но признает, что «идея Петра» по духу была народна, а вот «Петр как факт был в высшей степени антинароден», поскольку «он изменил народ-

ному духу в деспотизме своих новаторских приемов, сделав дело преобразования не делом всего народа, а делом *своего* только произвола» [Достоевский 20: 15]. Меркой народности — антинародности судит Достоевский и других правителей России.

В оценке отечественной истории Достоевский подчеркивает, что Петр Великий в деле европейского просвещения России как раз не изменил путь московского царства, а преемственно продолжил его. В «Дневнике писателя» за 1876 г., рассуждая о том, «что именно мы принесли с собой из Европы», Достоевский пишет: «Царь Иван Васильевич употреблял все условия, чтобы завоевать Балтийское побережье, лет сто тридцать раньше Петра. Если б завоевал его и завладел его гаванями и портами, то неминуемо стал бы строить свои корабли, как и Петр, а так как без науки их нельзя строить, то явилась бы неминуемо наука из Европы, как и при Петре» [Достоевский 22: 110]. Отметим, что в оценке деятельности русских правителей для Достоевского всегда было значимым стремление к расширению границ Отечества как фактор мудрой государственной политики, конечной целью которой является исполнение религиозной миссии. Подобные идеи актуализируются в «Дневнике писателя», когда встает вопрос о русском Константинополе. В этом отношении интересно упоминание Алексея Михайловича в журнале за 1877 г., когда писатель еще полон надежд на то, что Константинополь может стать русским, и хочет указать на это царской семье. Эта одна из центральных идей всех выпусков журнала за этот год. Достоевский ссылается на слова Алексея Михайловича, возжелавшего, по словам писателя, за два века до происходящих событий стать царем-освободителем (к слову, такую роль определял Достоевский и Александру Второму, не только освободившему крестьян, но предназначенному, как полагал писатель, освободить и Константинополь). Ради освобождения угнетенных греческих единоверцев Алексей Михайлович готов, «если Богу угодно», потратить *«все свои войска и свою казну»*, пролить *«свою кровь до последней капли»* [Достоевский 25: 104]<sup>1</sup>. Необходимо указать, что появление в цикле статей о Восточном

---

<sup>1</sup> Важно отметить, что в заметке «Мнение “тишайшего” царя о Восточном вопросе» Достоевский указывает конкретный источник слов Алексея Михайловича, но не считает необходимым подтвердить подлинность слов и воссоздать ситуацию, в которой они были произнесены, что вполне соответствует пониманию писателем «исторической» правды.

вопросе фигуры Алексея Михайловича закономерно, поскольку «впервые при этом царе появилась мысль создать православную монархию», а также «впервые при этом царе территория российского государства стремительно расширялась, а ее внешнеполитическая роль чрезвычайно усиливалась, причем захваты новых земель объяснялись стремлением защитить единоверцев» [Алексеев, Алексеева: 448].

Указывая царствующим Романовым на их предшественников, примеру которых необходимо следовать в решении Восточного вопроса и покорения Константинополя, Достоевский вспоминает взятие Казани Иваном Грозным. Опираясь на «Историю государства Российского», Достоевский в статье «Халат и мыло» («Дневник писателя» за 1876 г.) подробно разбирает это знаковое для оформления национальной государственности событие (необходимо оговорить, что само событие вновь передается с нарушением так называемой «текущей» правды во имя правды «исторической», как она понимается автором) и подчеркивает, что царь проявил себя как мудрый правитель: «Осада была ужасная, — и Карамзин описал ее потом чрезвычайно красноречиво. Казанцы защищались как отчаянные, превосходно, упорно, устойчиво, выносливо. Но вот взорвали подкопы и пустили толпы на приступ, — взяли Казань! Что ж, как поступил царь Иван Васильевич, войдя в Казань? Истребил ли ее жителей поголовно, как потом в Великом Новгороде, чтоб и впредь не мешали? Переселил ли казанцев куда-нибудь в степь, в Азию? Ничуть; даже ни одного татарчонка не выселил, всё осталось по-прежнему, и геройские, столь опасные прежде казанцы присмирели навеки» [Достоевский 23: 120]. И все это произошло потому, что сразу же внесли «икону Божьей матери и отслужили в Казани молебен, в первый раз с ее основания. Затем заложили православный храм, отобрали тщательно оружие у жителей, поставили русское правительство, а царя казанского вывезли куда следовало, — вот и всё; и всё это совершилось в один даже день» [Достоевский 23: 120]. Достоевский полагает, что именно так должно произойти и в Константинополе. Для Достоевского Иван IV в данном случае воплощает идеал правителя. В эпоху национального подъема писателю важно убедить и русское общество, и царскую семью в возможность победы над Турцией.

Для позднего Достоевского характерно четкое, подобное славянофильскому разделение царей московского периода и властителей полепетровского, европейского периода. В Александре II автор «Днев-

ника писателя» хочет видеть того самого царя, который способен, ориентируясь на решимость и волю Алексея Михайловича или Ивана Васильевича, твердо заявить миру о России как мощной православной державе. Однако оценка некоторых деяний Грозного Достоевским-публицистом может быть негативной. И это не только новгородский погром, о котором упоминается в очерке «Халат и мыло», но и осуждение призыва царя к покорности, унижающей России и выказывающей трусость ее политики. Писатель утверждает, что современной власти необходимо избежать «бесчестия, подобно тому как в старину, отправляя послов к королю Стефану Баторию, царь Иван Васильевич Грозный потребовал от них, чтоб переносили, буде надо, и побои, лишь бы мир выпросили» [Достоевский 23: 44].

Формируемый Достоевским исторический облик Ивана Грозного в «Дневнике писателя» как журнале, направленном на прояснение умов современников, и указание им пути личного и гражданского преобразования, воплощает идеал «православного царя» — «охранителя, единителя, а когда прогремит веление Божие, — и освободителя православия и всего христианства, его исповедующего, от мусульманского варварства и западного еретичества» [Достоевский 25: 68]. Именно такое толкование исторической роли Ивана Грозного соответствует представлениям Достоевского об «исторической» правде и сущности истории как «науки будущего» [Достоевский 18: 122] и «русском историке», не изменяющем «русскому духу» [Достоевский 20: 174].

## Список литературы

### Источники

Айхенвалд Ю. И. Силуэты русских писателей в 2 т. Т. 1. М.: Юрайт, 2024. 420 с.  
Достоевский Ф. М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Л.: Наука, 1972–1990.

### Исследования

Алексеев П. В., Алексеева А. А. «Константинополь должен быть наш»: провиденциальные мотивы в «Дневнике писателя» Ф. М. Достоевского // Мир науки, культуры, образования. 2017. № 6(67). С. 447–448.

Баталова Т. П. Историчесофские проблемы в эпистолярном наследии Ф. М. Достоевского 1866–1872 гг. // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. 2013. Т. 19. № 3. С. 109–112.

Богданова О. В. Карамзин об Иване Грозном // Инновационная наука. 2017. № 5. С. 77–80.

Викторович В. А. Утраченная пьеса Достоевского «Борис Годунов» (источники, концепция) // Неизвестный Достоевский. 2024. Т. 11. № 1. С. 5–43. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7121>

Виротайнен М. Н. Речь и молчание. Сюжеты и мифы русской словесности. СПб.: Амфора, 2003. 503 с.

Волкова Е. А. Общественная деятельность, социально-исторические и религиозные взгляды Ф. М. Достоевского: дис. ... док. истор. наук. Курск, 2020. 491 с.

Гачева А. Г. «Нам не дано предугадать, Как слово наше отзовется...» (Достоевский и Тютчев). М.: ИМЛИ РАН, 2004. 637 с.

Исупов К. Г. Историческое познание в художественном опыте Ф. М. Достоевского // Русская философская культура. СПб.: Университетская книга, 2010. С. 114–143.

Касаткина Т. А. Краткая полная история человечества («Сон смешного человека» Ф. М. Достоевского) // Универсум Ф. М. Достоевского, антология. СПб.: РХГА, 2021. С. 48–68.

Кругликова О. С. Образ Петра Великого в публицистике Ф. М. Достоевского // Русско-Византийский вестник. 2022. № 3 (10). С. 119–128. DOI: 10.47132/2588-0276\_2022\_3\_119

Любятинская У. С. Исторические воззрения Ф. М. Достоевского: По материалам «Дневника писателя»: дис. ... канд. истор. наук. М., 2006. 193 с.

Подопригора Н. В. Религиозные основания деятельности Ивана Грозного // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2015. № 7–3. С. 78–81.

Подосокорский Н. Н. История в жизни и творчестве Ф. М. Достоевского // Два века русской классики. 2024. Т. 6, № 3. С. 98–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125>

Подосокорский Н. Н. «История» Н. М. Карамзина в романе Ф. М. Достоевского «Идиот» // Достоевский и мировая культура. Филологический журнал. 2024. № 3 (27). С. 31–63. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63>

Подосокорский Н. Н. Наполеон и 1812 год в творчестве Ф. М. Достоевского // 1812 год и мировая литература / отв. ред. В. И. Щербаков. М.: ИМЛИ, 2013. С. 319–364.



Туниманов В. А. Отголоски девятого тома «Истории государства Российского» в творчестве Ф. М. Достоевского // Туниманов В. А. Лабиринт сцеплений: избр. ст. СПб.: Пушкинский Дом, 2013. С. 165–177.

### References

Alekseev, P. V., and A. A. Alekseeva. “‘Konstantinopol’ dolzhen byt’ nash’: providentsial’nye motivy v ‘Dnevnikе pisatel’ia’ F. M. Dostoevskogo” [“‘Constantinople Must Be Ours’: Providential Motifs in F. M. Dostoevsky’s ‘Diary of a Writer.’”] *Mir nauki, kul’tury, obrazovaniia*, no. 6 (67), 2017, pp. 447–448. (In Russ.)

Batalova, T. P. “Istoriosofskie problemy v epistol’iarnom nasledii F. M. Dostoevskogo 1866–1872 gg.” [“Historiosophical Problems in the Epistolary Heritage of F. M. Dostoevsky in 1866–1872”]. *Vestnik Kostromskogo gosudarstvennogo universiteta im. N. A. Nekrasova*, vol. 19, no. 3, 2013, pp. 109–112. (In Russ.)

Bogdanova, O. V. “Karamzin ob Ivane Groznom” [“Karamzin on Ivan the Terrible”]. *Innovatsionnaia nauka*, no. 5, 2017, pp. 77–80. (In Russ.)

Viktorovich, V. A. “Utrachennaia p’sa Dostoevskogo ‘Boris Godunov’ (istochniki, kontseptsiiia)” [Dostoevsky’s Lost Play ‘Boris Godunov’ (Sources, Concept)]. *Neizvestnyi Dostoevskii*, vol. 11, no. 1, 2024, pp. 5–43. <https://doi.org/10.15393/j10.art.2024.7121> (In Russ.)

Virolainen, M. N. *Rech’ i molchanie. Siuzhety i mify russkoi slovesnosti* [Speech and Silence. Plots and Myths of Russian Literature]. St. Petersburg, Amfora Publ., 2003. 503 p. (In Russ.)

Volkova, E. A. *Obshchestvennaia deiatel’nost’, sotsial’no-istoricheskie i religioznye vzgliady F. M. Dostoevskogo* [Social Activity, Socio-Historical and Religious Views of F. M. Dostoevsky: DSc Dissertation]. Kursk, 2020. 491 p. (In Russ.)

Gacheva, A. G. “Nam ne dano predugadat’, Kak slovo nashe otzovetsia...” (Dostoevskii i Tyutchev) [“We are not Given to Predict how our Word will Respond...” (Dostoevsky and Tyutchev)]. Moscow, IWL RAS Publ., 2004. 637 p. (In Russ.)

Isupov, K. G. “Istoricheskoe poznanie v khudozhestvennom opyte F. M. Dostoevskogo” [“Historical Knowledge in the Artistic Experience of F. M. Dostoevsky”]. *Russkaia filosofskaia kul’tura* [Russian Philosophical Culture]. St. Petersburg, Universitetskaia kniga Publ., 2010, pp. 114–143. (In Russ.)

Kasatkina, T. A. “Kratkaia polnaia istoriia chelovechestva (‘Son smeshnogo cheloveka’ F. M. Dostoevskogo)” [“A Brief Complete History of Mankind (‘The Dream of a Ridiculous Man’ by F. M. Dostoevsky)”]. *Universum F. M. Dostoevskogo, antologiia* [The Universe of F. M. Dostoevsky, Anthology]. St. Petersburg, Russian Christian Academy for Humanities Publ., 2021, pp. 48–68. (In Russ.)

Kruglikova, O. S. “Obraz Petra Velikogo v publitsistike F. M. Dostoevskogo” [“The Image of Peter the Great in the Journalism of F. M. Dostoevsky”]. *Russko-Vizantiiskii vestnik*, no. 3 (10), 2022, pp. 119–128. (In Russ.)

Liubiatinskaia, U. S. *Istoricheskie vozzreniia F. M. Dostoevskogo: Po materialam ‘Dnevnika pisatel’ia’* [Historical Views of F. M. Dostoevsky: Based on the Materials of the ‘Diary of a Writer’]: PhD Dissertation]. Moscow, 2006. 193 p. (In Russ.)

Podoprigora, N. V. “Religioznye osnovaniia deiatel'nosti Ivana Groznogo” [“Religious Foundations of the Activities of Ivan the Terrible”]. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk*, no. 7–3, 2015, pp. 78–81. (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. “Istoriia v zhizni i tvorchestve F. M. Dostoevskogo” [“History in the Life and Work of F. M. Dostoevsky”]. *Dva veka russkoi klassiki*, vol. 6, no. 3, 2024, pp. 98–125. <https://doi.org/10.22455/2686-7494-2024-6-3-98-125> (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. “‘Istoriia’ N. M. Karamzina v romane F. M. Dostoevskogo ‘Idiot.’” [“‘History’ of N. M. Karamzin in the Novel by F. M. Dostoevsky ‘The Idiot.’”] *Dostoevskii i mirovaia kul'tura. Filologicheskii zhurnal*, no. 3 (27), 2024, pp. 31–63. <https://doi.org/10.22455/2619-0311-2024-3-31-63> (In Russ.)

Podosokorskii, N. N. “Napoleon i 1812 god v tvorchestve F. M. Dostoevskogo” [“Napoleon and 1812 in the Works of F. M. Dostoevsky”]. *1812 god i mirovaia literatura [1812 and World Literature]*. Moscow, IWL RAS Publ., 2013, pp. 319–364. (In Russ.)

Tunimanov, V. A. “Otgoloski deviatogo toma ‘Istorii gosudarstva Rossiiskogo’ v tvorchestve F. M. Dostoevskogo” [“Echoes of the Ninth Volume of the ‘History of the Russian State’ in the Works of F. M. Dostoevsky”]. Tunimanov, V. A. *Labirint stseplenii: izbrannye stat'i [Labyrinth of Cohesion: Selected Articles]*. St. Petersburg, Pushkin House Publ., 2013, pp. 165–177. (In Russ.)